СОЦИОЛОГИЯ И ЖИЗНЬ

DOI: 10.17805/zpu.2026.3.7

Ценности и гражданский потенциал современной российской молодежи

А. И. Ковалева

Московский гуманитарный университет

В статье анализируются проблемы современной российской молодежи в ракурсе ее ценностей и гражданского потенциала. Автор рассматривает эти проблемы в контексте социальных изменений в российском обществе с начала 90-х гг. XX в. и по настоящее время, характеризуя процессы разрушения прежней и попытки формирования иной ценностно-нормативной системы социальной регуляции, выстраивания нового социального пространства, забвения явных функций институтов социализации и воспитания. В статье представлены концептуальные разработки научной школы Московского гуманитарного университета, результаты мониторинговых исследований МосГУ и его опыт воспитания студенческой молодежи.

Ключевые слова: молодежь; ценности; ценностные приоритеты молодежи; гражданский потенциал молодежи, социализация, воспитание молодежи.

ВВЕДЕНИЕ

Московский гуманитарный университет (ВКШ при ЦК ВЛКСМ, Институт молодежи, МГСА, МосГУ), история которого ведется с 1944 г., все годы своего функционирования целенаправленно изучал проблемы молодежи. Сначала предметом изучения были вопросы деятельности комсомольских организаций и их влияния на молодежь. Позже — история комсомола, комсомольское строительство, воспитание достойной смены рабочего класса и колхозного крестьянства, идеалы и ценностные ориентации молодежи. Во второй половине 1980-х гг. появились инициативные проекты по изучению отклоняющегося поведения и неформальных объединений молодежи, обсуждались идеи законодательства о молодежи и молодежной политике. В эти годы складывалась и скоро заявила о себе научная школа социологии молодежи, признанная в стране и за рубежом.

Молодежь рассматривалась согласно гуманистической концепции молодежи И. М. Ильинского (его научной школы) как *объективное общественное и конкретно-историческое явление*. Поэтому она изучалась и продолжает изучаться в контексте происходящего в обществе социального конкретно-исторического процесса, учитывая как социальные, так и личностные последствия кардинальных социальных изменений в обществе (Ильинский, 2022).

МОЛОДЕЖЬ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ 90-х ГОДОВ

Начало 1990-х гг. стало для российского общества периодом особого рода потрясений. СССР как государство прекратил свое существование, была демонтирована прежняя политическая система, ушли в прошлое КПСС и ВЛКСМ вместе со всем социальным пространством, которое они формировали, произошла смена государственной власти на всех уровнях управления обществом. В результате общество лишилось системных признаков и тех благоприятных условий интеграции, которые прежде позволяли индивидам осваивать социальность и обретать социальную субъектность. Страна в те годы напоминала корабль без курса — она дрейфовала в состоянии неустойчивости, неопределенности, при отсутствии идеологии и ясного направления общественного развития. Именно в такой обстановке начал формироваться новый государственный строй Российской Федерации, история которого впоследствии претерпела немало изменений и трансформаций. Конституция РФ 1993 г. гласит, что Россия есть демократическое правовое федеративное государство с республиканской формой правления[1]. Но реалии жизни россиян все больше наполнялись западными ценностями как якобы наилучшими для всех времен и народов. Особое значение имело внедрение индивидуализма, признанного в дискуссиях западных социологов одним их основных принципов, определяющих современность (Штомпка, 2005).

В стране происходили необратимые процессы, затрагивающие самые важные социально-экономические, политические и социокультурные сферы общества, трансформирующие социальные институты и организации. В этих условиях разрушалась прежняя и формировалась иная ценностно-нормативная система социальной регуляции. Формировались другие личности и их социальные типы. Эти процессы затрагивали прежде всего молодежь, в личностных характеристиках которой проявились эти изменения.

Оценивая социальные изменения в России того времени, Ж. Т. Тощенко отмечает, что по своему характеру они близки к катастрофе и не описываются традиционными понятиями эволюции или революции. Он вводит понятие «травмы» как некий промежуточный вариант между этими двумя моделями (Тощенко, 2020), понимая под травмой общества «длительное состояние неопределенности трансформации общественных отношений, характеризующееся деформацией экономических, социальных, политических и духовно-культурных процессов и имеющих непредвиденные социальные последствия» (там же: 331). Его итоговый вывод состоит в том, что «Россия представляет собой травмированное общество, которому присущи противоречивые, взаимоисключающие ориентации и установки» (Тощенко, 2015: 50)

В 90-е гг. целенаправленно размывалась воспитательная функция системы образования в контексте подготовки к жизни новых поколений и повсеместно заменялась идеей социализации, раскритикованной советскими исследователями именно в той ее интерпретации, которая насаждалась как американская идея «плавильного котла» и культурного плюрализма, а также как теория социализации в самом примитивном ее понимании (Критика современных буржуазных концепций воспитания, 1980). Новизна идеи прикрывала огромный и успешный опыт советской системы образования в деле воспитания и обучения. Идея социализации продавливалась именно в том ее примитивном американском понимании, которое насаждалось как «плавильный котел» или «культурный плюрализм». Американ-

ская метафора об американизации иммигрантов отражала их ускоренную ассимиляцию, усвоение западной культуры, их смешение и вливание в американское общество. Научная же идея и теория социализации, обоснованные и признанные в социологии и социальной психологии (с конца XIX в.), до 70-х гг. XX в. не использовалась в отечественной науке. В этой ситуации оказалось очень удобным игнорировать и фальсифицировать позиции советской идеологии по коммунистическому воспитанию и формированию всесторонне развитой личности, предать забвению успешный опыт воспитательной работы советской системы образования. По сути, состоялся экспорт американской идеи «плавильного котла», прикрываемой идеей социализации в самом упрощенном ее понимании. Система образования освобождалась от своей явной преднамеренной функции воспитания, что было закреплено в 2012 г. в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» (поправки внесены только в 2020 г.)[2].

Вместе с тем воспитание и социализация являются взаимопроникающими составными частями друг друга в процессе становления и развития личности и не могут полностью заменять друг друга. Целенаправленный, управляемый и контролируемый сегмент социализации принято называть воспитанием; в терминах мертоновской функциональной теории это явная преднамеренная функция институтов и агентов социализации, через которые новым поколениям передаются социальные нормы и культурные ценности. При этом цели воспитания могут не совпадать даже внутри одной и той же социокультурной системы. Социализация (в узком ее понимании) может определяться и как стихийный процесс трансляции обществом и освоения индивидом социальности со всеми ее реальными одобряемыми и неодобряемыми элементами. Индивид может освоить нормы и ценности не только одобряемые, но и осуждаемые в данном обществе.

Как выглядела молодежь в фокусе социальных противоречий? По результатам исследований Института комплексных социальных исследований РАН (ИКСИ РАН), проведенного в 2001 г. (Российская молодежь: проблемы и решения, 2005), почти половина российской молодежи поддерживала реформы 90-х гг. Зафиксировано более толерантное отношение к реформам со стороны молодежи, чем со стороны старшего поколения. А также замечено, что с взрослением молодежь более осторожно оценивает происходящее в обществе. В выборе наиболее значимых достижений реформ для общества большая часть опрошенной молодежи указывала насыщение рынка продуктами (54,4%), для себя называла неограниченный заработок (53%). Менее значимые позиции касались свободы выезда за рубеж (37,3%), признания «жизнь стала ярче и интереснее» (36,4%), возможности самовыражения (34,1%), насыщения рынка товарами (32,2%) и др. (там же).

Среди отечественных авторов, писавших об аномичности российского общества, можно выделить Л. Д. Гудкова, который охарактеризовал социализацию российской молодежи девяностых–нулевых годов как «дефектную». С точки зрения его и соавторов, эта молодежь была избавлена как от либеральных иллюзий и несбывшихся надежд, так и от горечи и инфантильных разочарований, связанных с советским прошлым: ее ценностное пространство «задано простыми координатами — по преимуществу развлекательными медиа, масскультурой и глянцем, магическим миражом “больших денег” как самым общим показателем успеха и статуса в нынешних условиях массовидного общества» (Гудков, Дубин, Зоркая, 2011: 11). Отчасти с этим можно согласиться: для части молодежи 90-е гг. XX в. действитель-

но стали временем самоутверждения, растущего довольства собственной жизнью — при полном отсутствии больших идей и жизненных перспектив. Однако для значительной части молодых людей это время было связано с неопределенностью настоящего момента, тревогой за будущее, шаткостью гражданской идентичности и социального статуса, политической уязвимостью, снижением престижа многих профессий и сложностями в получении образования. Именно в этой среде резко расширились масштабы девиантного и деликвентного поведения.

В 90-е годы правительством России не поощрялось писать и говорить о плохом положении молодежи, о ее отклоняющемся поведении, о кризисе системы образования и утрате воспитания. Это наше суждение основано на опыте участия в подготовке Научно-исследовательским центром при Институте молодежи доклада Комитета по делам молодежи Государственной Думы Правительству РФ о положении российской молодежи и воспитании подрастающих поколений в России. Авторский коллектив (рук. И. М. Ильинский) составляли преимущественно научные сотрудники НИЦ Института молодежи. Представленный нами аналитический материал был отвергнут, снят с обсуждения и запрещен для тиражирования и рассылки в регионы страны.

Примерно в этот же период была представлена публике концепция И. М. Ильинского, посвященная воспитанию жизнеспособных поколений российской молодежи (Ильинский, 1995), где проблема воспитания трактуется автором как явление первостепенной социальной значимости. Суть предложенной им модели жизнеспособной личности молодого человека — не просто способность выжить и приспособиться к меняющимся условиям, но полноценное развитие при сохранении собственной мировоззренческой позиции, гуманистических идеалов и ценностей; разумная доля индивидуалистических установок, ориентации на собственные интересы и потребности; наконец, национальное самосознание российского гражданина и патриотизм, понимаемый как борьба за сохранение единства страны (Ильинский, 2022).

Основы этой концепции Ильинского могли бы способствовать интенсивным дискуссиям широкой общественности по проблеме воспитания, активным научным исследованиям и началу практических действий по воссозданию системы воспитания на новых принципах и в новых условиях российского общества. К сожалению, этого не произошло. Признание концепции состоялось в научно-исследовательских кругах. Своевременность в постановке проблемы воспитания детей и молодежи в современном российском обществе, идея единого воспитательного пространства и общей концепции воспитания, определение его идеологии, цели, разработка модели жизнеспособной личности, задач и принципов воспитания, описание новой системы воспитания, имеющей уровни институциональный и неинституциональный как процесс социализации молодежи в различных сферах жизнедеятельности, и другие концептуальные положения со временем были поддержаны многими специалистами. Фактически официальное признание идей И. М. Ильинского о воспитании молодежи состоялось на самом высоком уровне принятием в 2020 г. поправок к Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Совсем иная позиция в отношении преобразований, происходящих в российском обществе и затрагивающих проблемы воспитания молодежи, а также вписывающаяся в политический контекст реформируемого российского общества, была обозначена в ряде публикаций отечественных исследователей.

Учебник «Социология молодежи» под ред. член-корр. РАН В. Н. Кузнецова (Социология молодежи, 2005) в целом положительно оценивает перемены на постсоветском пространстве рубежа XX–XXI веков — многопартийность, многообразие форм собственности, свободу вероисповедания, плюрализм, гласность, открытость и т. д. Со ссылкой на работу ростовских социологов (Волков, Поликарпов, 1999) утверждается, что «сейчас происходит отмирание старого коллективизма и старого индивидуализма, с эрой глобализации происходит возрождение личности. Это значит, что свободный человек может построить сообщество, чтобы вносить свой вклад в свое дело... Индивид больше не оторван от социального мира, но становится зрелой личностью, способной использовать, раскрыть все свои возможности, удовлетворить самую высшую свою потребность в самоактуализации» (Социология молодежи, 2005: 87). Такие рассуждения носят декларативный характер и вызывают, скорее, недоумение, чем понимание. При этом сам учебник эту позицию никак не комментирует, фактически принимая ее как верную.

Известный советский и российский социолог В. А. Ядов провозгласил, что в новой России идет становление новой социальной субъектности (Ядов, 1994), и это поможет преодолеть бессубъектность индивидов и их положение «винтиков» в государственном механизме. Свои возражения такой позиции мы изложили в статье о социокультурной субъектности (Ковалева, 2020).

Подробнее стоит остановится на монографии «Советский простой человек» (под ред. Ю. А. Левады), подготовленной отечественными авторами по результатам опроса 1989 года, проведенного Всесоюзным (ныне Всероссийским) центром изучения общественного мнения среди 2700 респондентов в разных регионах СССР, а также на данных последующих опросов ВЦИОМ: полевой этап программы «Советский человек» продолжался вплоть до 1994–1999 годов. По итогам этой работы исследователи зафиксировали у респондентов выраженную консервативность взглядов и устойчивую идентификацию с советским прошлым, а интегральный образ «человека советского» свелся к четырем типам: «человек изолированный» — отгороженный и от внешнего мира, и от собственного внутреннего; «человек без выбора», для которого безальтернативность была исторической данностью; «человек упрощенный», знающий свое место в системе, послушный, умеющий довольствоваться малым и жить «как все»; наконец, «человек мобилизованный» (Советский простой человек ... , 1993; Левада, 2006). Помимо этого, авторы выделяют целый ряд взаимосвязанных характеристик: массовидность («как все»), деиндивидуализированность в противовес всему элитарному и своеобразному, «прозрачность», то есть открытость для контроля сверху, примитивность запросов на уровне выживания, заданную раз и навсегда неизменность и легкую управляемость. Отдельно подчеркивается свойство универсальной простоты, характерное как для официального, так и для массового советского сознания (там же).

Представляется значимым мнение известного российского социолога Б. М. Фирсова о позициях Левады (Левада, 2006) в отношении «представлений о “человеке советском”». Фирсов называет их «*алгебраической суммой* ряда сущностных характеристик, выявленных путем изучения когда-то существовавшего целого через “разрушенное”» (Фирсов, 2012: 186).

По результатам исследования Левады получены также данные о том, что *почти половина опрошенных россиян в советское время испытывали счастье*, добытое своими усилиями. Вместе с тем эта важная характеристика не заметна в описанном

Левадой портрете «человека советского», построенного по результатам уникального проекта. Но могут ли счастливые люди, созидающие себя и свое общество, составлять такие пасмурные типы? Важный момент, подмеченный Фирсовым, состоит также в том, что остается загадкой, почему все радикальные преобразования в советское время осуществлялись быстрее, чем в нынешнее время (Фирсов, 2012).

Глубокое прочтение монографии Левады предпринято А. Ю. Сагомоновым (Сагомонов, 1994), который занимается проблемами устойчивого развития и выдвинул идею об осуществимости глобального ценностного выбора. Но этот выбор, по сути своей, означает примирение целерационального и ценностно-ориентированного социального действия. Сагомонов в рецензии на монографию «Советский простой человек» отмечает, что ее авторы пытаются интерпретировать парадоксальную социальную природу типа «советский человек» «в категориях западного миропонимания» (Сагомонов, 1994: 185). С такой оценкой стоит согласиться. Нет сомнений в том, что профессиональное сообщество социологов имело основание воспринять данный сборник и монографию Левады как достижение отечественной науки. Но трудно согласиться с характером оценочных суждений, отстраненностью, отчужденностью, безразличием и холодностью авторов в оценке советского простого человека.

ЦЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

В Аналитическом докладе Общественной палаты Российской Федерации «Социальный портрет молодежи Российской Федерации» (Социальный портрет молодежи … , 2011) по результатам опроса молодежи фиксируется, что индивидуалистические ценности закрепились в молодежной среде довольно быстро.

Комментируя данные этого доклада, И. М. Ильинский так охарактеризовал портрет среднестатистического молодого человека новой России: «Портрет этот выглядит так: уверенный в себе оптимист, ярко выраженная индивидуальность, коммуникабельный, старающийся быть активным и бескорыстным. На первый взгляд получается неплохо… Но при этом — не всегда честный; скорее жадный, чем щедрый; скорее жестокий, чем сострадающий; чаще проявляющий злость, чем доброжелательность. Иными словами, лидирующими чертами молодежи являются отрицательные качества — равнодушие, злость, хамство, зависть, лень, жадность, а среди всех этих отрицательных психологических характеристик выше всех, на первом месте — эгоизм» (Ильинский, 2011: 6).

Уже в первом десятилетии XXI в. эта картина свидетельствовала об укреплении индивидуализма как наиболее устойчивого основания ценностных ориентаций российской молодежи, и данная тенденция впоследствии подтверждалась и в других исследованиях — Института социологии РАН, Института социально-политических исследований РАН, РГГУ, МосГУ и ряда других ведущих вузов.

Дальнейшие исследования, проведенные в МосГУ в 2012–2017 гг., позволили получить данные о том, как студенты оценивают собственную жизненную позицию и личностные качества современной российской молодежи в целом, а также о том, какие качества они хотели бы приобрести сами и сформировать у своих детей. Эта группа вопросов косвенно указывает на образцы, которыми руководствуются студенты в поведении и в осмыслении различных жизненных ситуаций. Рассмотрим, что показал анализ данных, полученных по этому блоку вопросов инструментария нашего исследования (Ковалева, Луков, 2018).

Большинство респондентов, опираясь на собственный опыт, оценили свою жизненную позицию как активную. При самооценке индивидуализма и коллективизма ценность индивидуализма в выраженной степени отметили 62,6% опрошенных, тогда как чувство коллективизма присуще, по их словам, 42,8%. Как показывали и предыдущие волны исследования, уровень «коллективистских» ответов (в большей или меньшей степени выраженности) сохраняется на фоне одновременного роста индивидуалистических установок. Сочетание индивидуализма и коллективизма в целом типично для российского общества начала XXI в., однако в нынешних данных заметен некоторый перевес в сторону индивидуализма.

Полученные ответы указывают на преемственность поколений: значительная часть молодых людей стремится быть похожей на своих родителей и на других людей с высокими моральными качествами, и в выборе ценимых студентами качеств прослеживается опора на устойчивые нормы традиционной морали. Чаще прочих называются честность (35,3%), доброта (25,0%), ответственность (16,0%); различия по полу здесь незначительны, а вот по возрасту заметны: студенты младших курсов чаще выделяют эти качества, тогда как с возрастом растет частота упоминания порядочности. Честность остается самым часто называемым качеством у студентов всех курсов — от первого до выпускного. Среди качеств, которые хотелось бы перенять у родителей, лидируют целеустремленность, трудолюбие, терпение и ответственность.

Ориентация на позитивные образцы и нравственные нормы, принятые в основах совместной жизни российского общества, отчетливо проявляется и в ответах о том, какие качества нынешние студенты хотели бы воспитать в собственных детях: здесь также чаще всего называются доброта, честность, ответственность и целеустремленность, что вновь отсылает к устойчивым традиционным моральным нормам.

Особого внимания заслуживают оценки студентами собственного поколения — по вопросу о наиболее характерных для российской молодежи личностных качествах. Эти оценки в основном негативны с точки зрения ценностей, принятых в российском обществе, и в определенной мере их можно рассматривать как самооценки. Респонденты чаще всего указывали на лень, безответственность и эгоизм, причем частота выбора этих характеристик по сравнению с прошлыми исследованиями выросла. Едва ли такой выбор можно объяснить стигматизацией, то есть навязанными обществом ярлыками, которые молодежь якобы вынуждена применять к самой себе. Скорее критичная самооценка поколения отражает сложность процесса его становления, сбои в ходе социализации и неопределенность общественных перспектив. Разрушение воспитательной системы в результате постсоветской «реформы» образования спустя десятилетия закономерно обернулось внутренним конфликтом между идеальным образом «хорошего человека» и неустойчивой социальной идентичностью, размытостью жизненных целей у новых поколений.

Мониторинговые исследования МосГУ позволяют проследить сходство и различия в ответах студентов разных лет по ключевым вопросам: базовым ценностям, личностным качествам, гражданской идентичности и т. д. Нельзя не отметить и позитивные тенденции, которые прослеживаются в молодежной среде в процессах ее социализации и воспитания: данные вновь подтверждают, что значительная часть молодых людей ориентируется на своих родителей и других людей с высокими моральными качествами, стремясь быть на них похожими.

Среди качеств, приписываемых молодому поколению России, заметнее всего за период с 2015 года изменилась частота упоминания патриотизма. Среди первокурсников на эту черту указали 18,2%, что заметно больше, чем в прежних волнах исследования. Такой сдвиг связывают с историческими событиями 2014–2015 годов — воссоединением Крыма с Россией, развязанной Западом информационной войной и санкционной политикой против России, что в целом способствовало росту патриотических настроений в обществе, включая молодежную среду. По данным опроса 2026 года, определенно считают себя патриотами 37% студентов, еще 37% отнесли себя к категории «скорее патриоты» (в сумме 74%) — это значимая и обнадеживающая тенденция в духовной жизни молодежи. При этом готовность лично отвечать за будущее страны выражена слабее: твердо ощущают себя частью такого поколения лишь 38%, еще 33% — «скорее да».

По результатам исследования МосГУ (2026 г.) главными агентами влияния на ценности молодежи остаются семья (73,6%), интернет и соцсети (58%), ближайшее окружение (51%), школа и университет (45,8%). Наиважнейшими жизненными ценностями опрошенные студенты назвали также семью (79,7% опрошенных), здоровье (73,9% опрошенных), любовь (57,2%), друзей, общение (49,6%). Ценности социального характера в ответах респондентов отошли на второй план (права и свободы человека (48,27%), интересная работа (42,67%), творческая самореализация (36,08%), милосердие, гуманизм (23,38%), дети (23,72%).

Нам, преподавателям, нередко кажется удивительным, насколько нынешние студенты отличаются от прежних поколений. И действительно, они другие — но не хуже, и хочется верить, что во многом станут лучше нас. Согласно теории поколений (которая не претендует на строгую научность), люди одного поколения разделяют схожие ценности, убеждения и модели поведения в силу общих исторических событий и социокультурного контекста, в котором они росли; это помогает объяснить межпоколенческие различия и понять их влияние на общество в целом. Наши студенты принадлежат к поколению Z, или зумерам, — людям, родившимся в 2001–2010 годах, которые не застали ни октябрят, ни пионеров, ни ВЛКСМ, ни КПСС. Это первое поколение в России, выросшее вместе с интернетом: зумеры легко осваивают новые цифровые платформы и технологии, активно пользуются Сетью, отличаются большей независимостью и самостоятельностью благодаря доступу к информации и возможностям самообучения онлайн. Вместе с тем их нередко критикуют за оторванность от реальности, интровертность и зависимость от гаджетов.

Следует особо отметить многолетний опыт воспитательной работы со студентами Московского гуманитарного университета. Уже в первые годы нового для нашей страны времени, т. е. с начала 90-х годов Московским гуманитарным университетом в лице его ректора И. М. Ильинского предпринимались упреждающие меры в отношении действий руководства страны по молодежной политике, реформированию системы образования и воспитания. Это отражено в концептуальных разработках Ильинского по проблемам социологии молодежи, молодежной политики, образовательной революции и, как уже отмечалось, в концепции воспитания жизнеспособных поколений (Ильинский, 1995).

В МосГУ на основе данных социологических исследований разработана университетская программа воспитательной работы. Значимую роль в воспитании студентов здесь играет история университета, его профессиональная культура, его традиции и символика, устоявшиеся мероприятия и т. д. (Ковалева, 2013).

В 2024 г. ВЦИОМ зафиксировал ценностные различия между воспитуемыми и **акторами воспитательной работы** (жирным выделены данные по **воспитателям** в процентах, разница от 15 до 23%) в отношении таких индикаторов, как приоритет духовного над материальным (**80** и 57), семья (**78** и 51) взаимопомощь (**78** и 60), достоинство и совесть (**76** и 56), патриотизм (**46** и 31), то есть большая доля воспитателей, чем воспитанников отметила эти ценности. Иначе выглядят ответы о вере в самореализацию (**75** и 93).

Одним из ключевых социальных последствий произошедших в России изменений стала трансформация самой социальной структуры общества как несущей конструкции социума. По оценке М. К. Горшкова, «столь высокой степени сегментации и разнородности, как после трансформаций конца XX — начала XXI в., российское общество прежде не знало; неоднородность прослеживается практически по всем ключевым основаниям» (Горшков, 2019: 13).

Российская Федерация довольно быстро стала обществом социального неравенства и социальной стратификации, отражая интенсивные процессы социального расслоения. Молодежь, понимая это, пытается освоить каналы социальной мобильности. Социологи РГГУ (рук. Ж. Т. Тощенко) и Центр социального проектирования и маркетинга (рук. Ф. Э. Шереги) провели (2018 г.) всероссийский опрос трудоспособного населения (N = 1200) по репрезентативной выборке и выявили новое социально-экономическое явление, новый социальный феномен — прекариат.

Как отмечает Ж. Т. Тощенко, на рубеже XX–XXI вв. в России, как и в мире в целом, сформировался новый социальный класс — прекариат, для которого характерна неформальная, временная, сезонная или частичная занятость негарантированного, нестабильного и преходящего характера. По мнению отечественных исследователей, в состав прекариата потенциально входят фрилансеры и часть мигрантов, а также «часть вступающей в трудовую жизнь молодежи, в основном студенческой, которые претендуют на то, чтобы занять в обществе и в профессии устойчивое положение, но находятся в состоянии неопределенности, соглашаясь на случайные и непостоянные виды занятости, часто ниже своих возможностей и претензий» (Тощенко, 2019: 58; Прекариат..., 2020).

Стоит заметить, что наши многолетние мониторинговые исследования по изучению студентов гуманитарного вуза и прежде всего исследование 2026 г. показывают сходство наших результатов и результатов опроса молодежи ВЦИОМ (Всероссийский телефонный опрос ВЦИОМ-Спутник проведен 13.10.23 г.) относительно наиболее важных для нее ценностей, жизненных целей молодежи и совпадение основных значений по другим параметрам количественных показателей качественных признаков изучаемого объекта. Это относится к выбору таких индикаторов, как семья, здоровье, дружба, интересная работа, самореализация и др.

ГРАЖДАНСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНОГО ВУЗА

Гражданский потенциал — это, *во-первых*, совокупность способностей и возможностей человека, приобретаемых в процессе его жизнедеятельности; *во-вторых*, осознание себя гражданином своей страны, т. е. гражданская идентичность, предполагающая осознание индивидом своей причастности к сообществу граждан определенного государства, уважение к его Конституции, законам и нравст-

венным ориентирам; *в-третьих*, степень готовности человека активно содействовать процветанию своего общества, личная ответственность за судьбу Родины, стремление преодолевать несоответствие между личными притязаниями и достижениями.

Как показали результаты нашего опроса студентов Московского гуманитарного университета (опрос проводится с помощью платформы Google Forms в апреле 2024 г., его результаты опубликованы (Ковалева, Макаревич, 2024), в структуре гражданской идентичности студентов преобладает объективная сторона — формально и неформально предписанная причастность к российскому государству. Субъективная ее составляющая, то есть осознание индивидом своей принадлежности к сообществу граждан, все еще складывается в процессе социализации.

Гражданская самоидентификация студентов уточнялась в ответах на вопрос: «Как вы думаете, чем из истории нашей страны может сегодня гордиться гражданин Российской Федерации?» По мнению респондентов, прежде всего можно гордиться победой советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов (89,9%), полетом Ю.А. Гагарина в космос и достижениями в космонавтике (86,7%), великими российскими и советскими поэтами, писателями и композиторами (85,5%), восстановлением страны после Великой Отечественной войны (82,6%) и достижениями российских и советских спортсменов (82,6%).

Список подобных «горделивых идентификаций» можно продолжить: в несколько меньшей степени респонденты гордятся успехами советской и российской науки (77,0%), достижениями российской медицины (66,5%), мощью и авторитетом СССР в советский период (59,0%), ликвидацией «железного занавеса» между нашей страной и остальным миром в 1980-е годы (54,5%), созданием атомной и водородной бомбы (49,0%), советской и российской системой образования (43,4%), строительством БАМа (38,7%) и освоением целины (37,4%).

При этом лишь 34,8% опрошенных студентов считают, что можно гордиться Октябрьской революцией 1917 года, а 34,5% полагают, что это событие ушло в прошлое и предметом гордости уже не является. Обращает на себя внимание и заметная доля респондентов — 30,7%, которые либо ничего не знают об этом событии (7,5%), либо затруднились ответить (23,2%); почти все они студенты колледжа или бакалавриата.

Осознание себя гражданином России подтверждает и большинство ответов на вопрос о том, что значит для респондента Родина: 92,1% опрошенных сошлись во мнении, что это место, где они родились, выросли и живут, а 81,7% студентов Московского гуманитарного университета выразили позитивную гражданскую идентичность с Россией как своей страной и родным домом. Они ассоциируют Россию с понятиями «Родина», «Дом родной», «березка», «бескрайние просторы», «великое государство», «величественная история», «мощь», «сила», «сплоченность». Это — лучшая великая многонациональная страна, культура, достоинство, гордость, единство, большая дружная семья, добро, сострадание, забота, блины. Это — мир, Москва, Кремль, Путин, любовь, вера, надежда, победа.

Вместе с тем 8,8% участников опроса не стали отвечать на этот вопрос, а еще 9,5% в своих ответах через ассоциации нарисовали негативный образ современной России: коррупция, авторитаризм, небезопасность, несправедливость, бедность и др. Респонденты, безусловно, вправе видеть социальные проблемы, замечать негативные практики и предостерегать от них.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение ценностных ориентаций молодежи представляет особый интерес потому, что ее становление происходит в условиях социальных перемен и мировоззренческого кризиса, изменений в духовной сфере, разрушения советской системы ценностей, дезинтеграции традиционных институтов социализации и фактического сосуществования в молодежной среде двух противоборствующих ценностных систем.

По результатам исследований получены данные, подтверждающие как правильный, привлекательный образ молодого человека и его гражданскую идентичность, так и сложности социального облика молодого россиянина, имеющего противоречивые представления о добре и зле, общественных и личных интересах, сочетании коллективного и индивидуального, о своей задаче стать жизнеспособной личностью.

В условиях расширения возможностей проведения и востребованности результатов социологических исследований актуализируется проблема обеспечения их репрезентативности. Необходимо строго выполнять требования по их проведению, принятые в прикладной социологии (соблюдение принципа объяснения эмпирических данных, разработка программы с обоснованием выборочной совокупности и квантификации как количественного измерения качественных признаков объекта, отбор методов исследования и т. д.).

Во всех случаях должна предоставляться истинная информация по результатам социологических исследований. Исследователю недопустимо занимать только удобную позицию, вписываясь в политический контекст или, наоборот, возражать, обращать внимание на свои тривиальные суждения. Конечно, исследователь — просто человек. Но он всегда должен быть объективным независимо от своих предпочтений, соблюдать ценностную нейтральность в оценке происходящего в социальной реальности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Конституция Российской Федерации // Сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item

[2] Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/36698

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Волков, Ю. Г., Поликарпов, В. С. (1999) Человек. Энциклопедический словарь. М. : Гардарики. 518 с.

Горшков, М. К. (2019) О социальных результатах постсоветских трансформаций // Социологические исследования. № 11. С. 3–17.

Гудков, Л. Д., Дубин Б. В., Зоркая, Н. А. (2011) Молодежь России. М. : Московская школа политических исследований. 96 с.

Ильинский, И. М. (1995) Молодежь России: воспитание жизнеспособных поколений: докл. Ком. РФ по делам молодежи / авт. колл.: И. М. Ильинский [и др.] ; Ком. РФ по делам молодежи. М. 256 с.

Ильинский, И. М. (2011) Воспитание в индивидуализированном обществе // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 3–8.

Ильинский, И. М. (2022) Молодежь России и проблемы образования (пути, которые выбирали не мы): монография. М. : Издательство Московского гуманитарного университета.

Ковалева, А. И. (2013) Профессиональная культура университета как условие повышения качества образования // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 225–234.

Ковалева, А. И. (2018) Социология молодежи: научная школа Московского гуманитарного университета : в 2 ч. Ч. 2 / А. И. Ковалева, Вал. А. Луков, В. А. Гневашева, С. В. Луков. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 508 с.

Ковалева, А. И. (2020) Социокультурная субъектность как основа тезаурусной концепции молодежи // Горизонты гуманитарного знания. №1. С. 36–53.

Ковалева, А. И., Макаревич, Э. Ф. (2024) Студент Московского гуманитарного университета: настроения, ценности и гражданская самоидентификация // Знание. Понимание. Умение. №4. С.125–147.

Критика современных буржуазных концепций воспитания [Сб. науч. тр.] / под ред. Э. С. Соколовой. М. : НИИОП, 1980 (вып. дан. 1981). 141 с.

Левада, Ю. А. (2006) Ищем человека. Социологические очерки, 2001–2005. М. : Новое издательство. 381 с.

Прекариат: становление нового класса (2020) / под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга. 400 с.

Российская молодежь: проблемы и решения (2005) М.: Центр социального прогнозирования. 648 с.

Сагомонов, А. Ю. (1994) Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х // Социологический журнал. №1. С. 182–185.

Советский простой человек : Опыт социал. портр. на рубеже 90-х (1993) / отв. ред. Ю. А. Левада. М. : Мировой океан. 299 с.

Социальный портрет молодежи Российской Федерации (2011) : аналитический доклад / Комиссия по социальным вопросам и демографической политике Общественной палаты Российской Федерации. Текущий архив ОП РФ.

Социология молодежи : учебник (2005) / под ред. д-ра социол. наук, проф., чл.-корр. РАН В. Н. Кузнецова. М. : Гардарики. 335 с.

Тощенко, Ж. Т. (2015) Фантомы российского общества. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга. 668 с.

Тощенко, Ж. Т. (2019) Феномен прекариата: теоретические и методологические основания исследования // Социологические исследования. №9. С. 51–62

Тощенко, Ж. Т. (2020) Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь мир. 352 с.

Фирсов, Б. М. (2012) История советской социологии: 1950–1980-е годы. Очерки: [учебное пособие] 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 476 с.

Штомпка, П. (2005) Социология. Анализ современного общества / пер. с пол. С. М. Червонной. М. : Логос. 664 с.

Ядов, В. А. (1994) Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. №1. С. 35–52.

Дата поступления: 01.09.2026 г.

VALUES AND CIVIC POTENTIAL OF CONTEMPORARY RUSSIA'S YOUTH

A. I. Kovaleva
Moscow University for the Humanities

The paper analyses the problems of contemporary Russia's youth in the scope of their values and civic potential. The author considers these problems in the context of social changes in Russian society from the 1990s to the present day, describing the processes of the destruction of the previous and the attempts to form a different value-normative system of social regulation, constructing a new social space, oblivion of obvious functions of institutions for socialization and upbringing. The paper presents conceptual developments of the scientific school of Moscow University for the Humanities, the results of monitoring studies of MosGU and its experience in upbringing students.

Keywords: youth; values; value priorities of youth; civic potential of youth; socialization; upbringing of youth

REFERENCES

Volkov, Yu. G. and Polikarpov, V. S. (1999) *Chelovek. E`nciklopedicheskij slovar`*. Moscow, Gardariki. 518 p.

Gorshkov, M. K. (2019) O social`ny`x rezul`tatax postsovetskix transformacij. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 11, pp. 3–17.

Gudkov, L. D., Dubin B.V. and Zorkaya, N. A. (2011) *Molodezh` Rossii*. Moskovskaya shkola politicheskix issledovanij. 96 p.

Il`inskij, I. M. et al (1995) Molodezh` Rossii: vospitanie zhiznesposobny`x pokolenij: dokl. Kom. RF po delam molodezhi. Moscow. 256 p.

Il`inskij, I. M. (2011) Vospitanie v individualizirovannom obshhestve. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 4, pp. 3–8.

Il`inskij, I. M. (2022) *Molodezh` Rossii i problemy` obrazovaniya (puti, kotory`e vy`birali ne my`)*. Moscow, Izd-vo Mosk. gumanit. Un-ta. 812 p.

Kovaleva, A. I. (2013) Professional`naya kul`tura universiteta kak uslovie povy`sheniya kachestva obrazovaniya. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 225–234.

Kovaleva, A. I. (2018) *Sociologiya molodezhi: nauchnaya shkola Moskovskogo gumanitarnogo universiteta: v 2 ch.* Part. 2 / A. I. Kovaleva, Val. A. Lukov, V. A. Gnevasheva and S. V. Lukov. Moscow, Izd-vo Mosk. gumanit. Un-ta. 508 p.

Kovaleva, A. I. (2020) Sociokul`turnaya sub`ektnost` kak osnova tezaurusnoj koncepcii molodezhi. *Gorizonty` gumanitarnogo znaniya*, no. 1, pp. 36–53.

Kovaleva, A. I. and Makarevich, E` F. (2024) Student Moskovskogo gumanitarnogo universiteta: nastroeniya, cennosti i grazhdanskaya samoidentifikaciya. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 4, pp. 125–147.

Kritika sovremenny`x burzhuazny`x koncepcij vospitaniya / ed. by E. S. Sokolov. Moscow, NIIOP, 1980 (vy`p. dan. 1981). 141 p.

Levada, Yu. A. (2006) *Ishhem cheloveka. Sociologicheskie ocherki, 2001–2005*. Moscow, Novoe izdatel`stvo. 381 p.

Prekariat: stanovlenie novogo klassa (2020) / ed. by Zh. T. Toshhenko. Moscow, Centr social`nogo prognozirovaniya i marketinga. 400 p.

Rossijskaya molodezh`: problemy` i resheniya (2005) Moscow, Centr social`nogo prognozirovaniya. 648 p.

Sagomonov, A. Yu. (1994) Sovetskij prostoj chelovek: opy`t social`nogo portreta na rubezhe 90-x. *Sociologicheskij zhurnal*, no. 1, pp. 182–185.

Sovetskij prostoj chelovek : Opy`t social. portr. na rubezhe 90-x (1993) / ed. by Yu. A. Levada. Moscow, Mirovoj okean. 299 p.

Social`ny`j portret molodezhi Rossijskoj Federacii (2011): analiticheskij doklad / *Tekushhij arxiv OP RF*, Moscow, 2011.

Sociologiya molodezhi: Uchebnik (2005) / ed. by V. N. Kuzneczov. Moscow, Gardariki. 335 p.

Toshhenko, Zh. T. (2015) *Fantomy` rossijskogo obshhestva*. Moscow, Centr social`nogo prognozirovaniya i marketinga. 668 p.

Toshhenko, Zh. T. (2019) Fenomen prekariata: teoreticheskie i metodologicheskie osnovaniya issledovaniya. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 9, pp. 51–62.

Toshhenko, Zh. T. (2020) *Obshhestvo travmy`: mezhdu e`volyuciej i revolyuciej (opy`t teoreticheskogo i e`mpiricheskogo analiza)*. Moscow, Ves` mir. 352 p.

Firsov, B. M. (2012) *Istoriya sovetskoj sociologii: 1950–1980-e gody`. Ocherki: [uchebnoe posobie]* 2nd ed., revised and compl. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Economics Publ. 476 p.

Sztompka, P. (2005) *Sociologiya. Analiz sovremennogo obshhestva* / transl. from Polish by S. M. Chervonnaya. Moscow, Logos. 664 p.

Yadov, V. A. (1994) Social`naya identifikaciya v krizisnom obshhestve. *Sociologicheskij zhurnal*, no. 1, pp. 35–52.

Submission date: 01.09.2026.

Ковалева Антонина Ивановна — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и культурологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Российская Федерация, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-60-21. Эл. адрес: aikovaleva@mail.ru

Kovaleva Antonina Ivanovna, Doctor of Sociology, Professor, Head, Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-60-21. E-mail: akovaleva@mosgu.ru

DOI: 10.17805/zpu.2026.3.8

Цифровое неравенство: масштабы, структура, социологическое измерение

А. В. Костина, М. Г. Солнышкина

Московский гуманитарный университет

В статье рассматривается цифровое неравенство как многомерный феномен, включающий различия в доступе к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ), навыках и социальных результатах их использования. Авторы опираются на теоретические положения Э. Тоффлера, М. Кастельса и современных российских исследователей, а также на эмпирические данные (опросы НАФИ, РАЭК и др.). На основе данных опросов и теоретических подходов авторы показывают возрастную структуру цифрового разрыва, отставание старших поколений в использовании цифровых сервисов и дефицит продвинутых компетенций. Вводится различие между классическим и сетевым субъектом (поколение Z), которое строится на противопоставлении устоявшихся моделей восприятия и поведения в условиях цифровой среды и в доцифровую эпоху. Для сетевого субъекта характерны клиповое мышление, многозадачность и гедонистические установки, трансформирующие представления о «хорошей жизни». В статье обосновывается, что традиционные меры (курсы, подключение к интернету) часто дают эффект «ложной инклюзии» — формальное подключение не ведет к реальному росту компетенций. В качестве эффективного решения предлагается технология «обучения служением» — межпоколенческое взаимодействие студентов и пожилых людей, где будущие IT-специалисты и гуманитарии выступают тьюторами для пожилых людей, обучая их работе с порталом госуслуг, телемедициной, мессенджерами и онлайн-платежами. Доказано, что такое межпоколенческое взаимодействие одновременно повышает цифровую грамотность старшего поколения и формирует у молодежи эмпатию, ответственность, навыки командной работы. В заключении даны рекомендации по системному внедрению этой модели в вузах: включение социального проектирования в учебные планы, создание внутривузовских грантов, развитие партнерства с центрами соцобслуживания и НКО, адаптация программ для пожилых (малые группы, индивидуальный темп, безопасная среда).